

В голове у Жун Цзиня творилось нечто невообразимое — там словно полным ходом шли съёмки затянувшейся мыльной оперы, и совладать с собственными мыслями он не мог при всём желании.

Он понимал, что пора остановиться, но стоит поднять взгляд, как на мониторе снова возникало лицо Чи Фэйжана. Слово «повтор» на экране обладало каким-то гипнотическим притяжением. Пальцы сами потянулись к мышке, и он послушно кликнул.

Короткий ролик запустился сначала. Всего пара десятков секунд, но за это время парень успевал побыть и невыразимо милым, и невероятно мужественным. Каждая деталь, каждый волосок на его голове казались Жун Цзиню совершенством. Сердце вновь застучало как сумасшедшее.

«Это никуда не годится».

Он попытался сложить монитор. Вот только это был стационарный компьютер, а Жун Цзинь, как истинный затворник, не жалел денег на технику. Огромный дисплей на мощной регулируемой подставке сопротивлялся изо всех сил. Жун Цзинь нажал крепче, преодолевая сопротивление шарниров, и экран с грохотом рухнул плашмя на стол. И как только силы хватило!

Из соседней комнаты выскочил перепуганный Чан Хаоцин. Решив, что Жун Цзинь умудрился как-то упасть прямо со стула, он заглянул в кабинет и так и замер у порога, увидев распластавшийся на столе гигантский монитор.

— Мать твою женщина! — взвился агент. — Производитель же клялся, что их крепление — вершина инженерной мысли и удержит хоть чёрта лысого! А если бы эта дура прилетела тебе по физиономии? Ты вообще понимаешь, сколько стоит твоё лицо?! Всё, я пишу жалобу!

— Я сам его сложил, — буркнул Жун Цзинь.

—...

— Дружище, — после долгой паузы с неподдельным сочувствием выговорил Чан Хаоцин. — Ну проиграл в катку, с кем не бывает. Но зачем технику-то гробить?

Жун Цзинь промолчал. Он с мрачным и предельно сосредоточенным видом созерцал заднюю панель монитора.

Вообще-то Чан Хаоцин собирался знатно над ним поиронизировать. Обычно в совместных играх Жун Цзинь разносил всех в пух и прах, и видеть его побеждённым до такой степени, чтобы крушить мебель, ещё не доводилось. Но, поразмыслив, агент решил, что уязвлённое эго гения — штука хрупкая, и сменил подколки на утешение.

— Да сдалась тебе эта игра! — театрально всплеснул руками Чан Хаоцин. — У нас что, денег нет? Прикупим топовый шмот, прокачаем скиллы и покажем этим выскочкам, кто тут папочка!

Услышав это, Жун Цзинь невольно вспомнил, как совсем недавно Чан Хаоцин заподозрил его в симпатии к Чи Фэйжаню. И что он тогда ответил?

Жун Цзинь покопался в памяти. Кажется, формулировка была предельно ясной:

«Ты вообще человек после таких мыслей?»

Он тихо вздохнул, окончательно осознав, в какую опасную степь занесло его собственное подсознание.

Видя, что друг продолжает хранить гробовое молчание, Чан Хаоцин забеспокоился. Насмешливость окончательно улетучилась.

— Неужели всё настолько плохо? — осторожно спросил он.

Даже первоклассники, слив катку, не сидят с таким лицом, будто хоронят любимого хомячка.

Жун Цзинь внезапно поднял голову:

— Напомни, когда у него день рождения?

— У кого? — растерялся Чан Хаоцин. — Чей день рождения?

Вместо ответа Жун Цзинь разблокировал телефон, вбил в поисковик имя Чи Фэйжана и кликнул по первой же ссылке на онлайн-энциклопедию.

В графе «Дата рождения» значилось: 21 декабря.

Чан Хаоцин бесцеремонно заглянул через плечо и сразу наткнулся взглядом на крупный заголовок статьи. «Чи Фэйжань».

Агент оцепенел.

Чан Хаоцин дураком не был. Столь странное поведение Жун Цзиня в сочетании с внезапным интересом к метрикам юного наследника мгновенно выстроилось в его голове в пугающе чёткую логическую цепочку. Перед глазами пронеслась вся его жизнь.

— Скажи мне, что я всё понял неправильно, — упавшим голосом умолял Чан Хаоцин.

Жун Цзинь тем временем скачал приложение-календарь и установил обратный отсчёт до заветной даты.

— Скорее всего, именно так, — отозвался он, не отрываясь от экрана.

— И что ты мне тогда наговорил? А ну-ка, повтори на бис!

Жун Цзинь молча развернул к нему экран смартфона, демонстрируя тикающий таймер. Намёк был более чем прозрачен: закон он чтит свято и до наступления совершеннолетия пальцем мальчика не тронет.

— Какая потрясающая принципиальность... — сквозь зубы процедил Чан Хаоцин.

Отложив телефон, Жун Цзинь вернул монитор в исходное положение, надвинул наушники и хладнокровно запустил видео по новой.

Чан Хаоцин стоял рядом, напоминая грозовую тучу.

И как раз в тот момент, когда Жун Цзинь потянулся к кнопке повтора в сто первый раз, кабинет содрогнулся от бешеного вопля:

— Жун Цзинь, твою налево, тебе жить надоело?!

Великий агент Чан пребывал на грани глубочайшего нервного срыва. Все былые стрессы, грозившие ему инфарктом, теперь казались лёгким летним бризом. Радовался, называется, что актёр не имеет видов на парня. Наивный дурак!

— Ты хоть соображаешь, кто его отец?! — орал сорванным голосом Чан Хаоцин. — Каким местом ты думаешь?!

Жун Цзинь откинулся на спинку кресла. На его губах играла лёгкая, почти торжествующая улыбка.

— Он первый в меня влюбился, — самодовольно бросил он.

Чан Хаоцин уставился на эту нераскаившуюся физиономию, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Тут он вспомнил, как Жун Цзинь недавно ходил сам не свой и заикался о чём-то признании...

«Мамочки...» — пронеслось в голове агента.

Получается, маленький принц просто открыл перед этой старой глыбой дверь в дивный новый мир?

— Ты... да ты... — задыхался от возмущения Чан Хаоцин.

Он вцепился в собственные волосы, мечась по комнате:

— Мальчишка на тебя посмотрел, и ты сразу растаял?! Решил сыграть роль Золушки при богатом папике? Хрен тебе! Спустись на землю, Жун Цзинь!

Если бы дело дошло до ушей семьи Чи, а Жун Цзинь стоял насмерть, открещиваясь от ухаживаний, его статус в индустрии дал бы ему шанс уцелеть. Не стали бы олигархи губить звезду из-за каприза наследника.

Но этот идиот взял и добровольно сдался на милость победителя!

Чан Хаоцин уже явственно видел картину: разгневанный Чи Цзюнь объявляет Жун Цзиня коварным соблазнителем, совратившим их ненаглядное чадо, и отдаёт приказ пустить его в расход.

От избытка чувств агент, сам того не замечая, начал озвучивать свои страхи вслух.

— У нас вообще-то правовое государство, — скептически заметил Жун Цзинь. — Что за средневековые сценарии?

— Да пошёл ты! — вскипел Чан Хаоцин. — Тебя закатают в бетон и пустят на корм рыбам, помяни моё слово!

Жун Цзинь лишь тихо рассмеялся. Ему не было страшно. Напротив, мысль о том, что его чувства взаимны, согревала изнутри.

Внезапно в комнате воцарилась тишина. Обернувшись, Жун Цзинь увидел, что Чан Хаоцин увлечённо копается в телефоне с очень серьёзным видом.

— Что там у тебя? — поинтересовался он.

— Изучаю условия эмиграции, — не поднимая головы, отрезал агент. — Если ты внезапно испаришься, пусть это хотя бы станет международным скандалом. Шансов выжить больше.

— Я патриот, — сухо возразил Жун Цзинь.

— А я тебя спрашиваю: Родина или твой малолетний принц?! — взревел Чан Хаоцин. — Выбирай быстро!

Жун Цзинь хотел было сказать «всё сразу», но, глядя на побагровевшее лицо друга, благоразумно решил промолчать и сделал примиряющий жест рукой. Пусть перебесится.

Чан Хаоцин сокрушённо вздохнул и, глядя в экран остекленевшим взглядом, запричитал:

— Ради плотских утех... тьфу ты, ради запретной любви родину готов продать...

«И кто из нас первый заговорил про эмиграцию?» — мысленно хмыкнул Жун Цзинь.

В это самое время Чи Фэйжань внезапно и очень громко чихнул.

Стоявший рядом Чэнь Мэнъян перепугался не на шутку и тут же принялся пичкать подопечного имбирным отваром и растворимой микстурой от простуды.

По дороге со съёмочной площадки он без умолку ворчал:

— Больше никаких ветродуев и сухого льда в кадре! А если бы ты слёг с температурой?!

Чи Фэйжань находил такую опеку излишней, хотя сегодняшний день действительно выдался непростым. Сначала эта непрекращающаяся икота, теперь вот чих — единичный, но такой мощный, что в носу до сих пор покалывало.

Тем не менее забота ассистента была приятна.

— Да ладно тебе, не сгущай краски, — улыбнулся Чи Фэйжань. — У меня отличный иммунитет. Вдруг обо мне просто кто-то думает? Или впереди ждёт что-то хорошее.

— Вот именно, — поддержала его Чжоу Я. — Не паникуй раньше времени, Сяо Чэнь.

Чэнь Мэнъян смущённо притих. Он понимал, что иногда перегибает палку, но ничего не мог с собой поделать. И дело было вовсе не в баснословном богатстве семьи Чи — он просто привык гиперопекать людей. Не зря ведь Ли Юань выбрал именно его на роль личного помощника молодого господина.

Раздавшийся на переднем сиденье звонок прервал их беседу. Ли Юань снял трубку, и по мере разговора выражение его лица становилось всё более озадаченным.

Чэнь Мэнъян сразу переключил внимание на звонок. Судя по обрывкам фраз, Чи Фэйжаню предлагали новую работу. И если звонили напрямую Ли Юаню, проект обещал быть как минимум солидным.

Чи Фэйжань и Чжоу Я тоже с любопытством уставились на менеджера.

Ли Юань положил трубку, обернулся и посмотрел на троицу.

— Фэйжания приглашают на съёмки в «Идеальные каникулы».

Чэнь Мэнъян шумно выдохнул, Чжоу Я изумлённо приоткрыла рот. Чи Фэйжань отреагировал спокойнее, но тоже не скрывал удивления.

Он уже достаточно освоился в шоу-бизнесе, чтобы понимать масштабы.

«Идеальные каникулы» на данный момент удерживали звание самого популярного реалити-шоу в стране. Концепция была проста и гениальна: звёзд отправляли в «идеальный отпуск», условия которого варьировались от роскошных аристократических поместий за рубежом до глухих деревенских домиков.

Зрители обожали шоу за возможность подсмотреть за бытом кумиров в неформальной обстановке, за потрясающие локации и неизменно весёлые, оригинальные конкурсы.

Критерии отбора участников у продюсеров были жёсткими: никаких новичков без веса и сомнительных персон без харизмы. Каждое появление нового лица в эфире становилось темой для бурных обсуждений.

И то, что Чи Фэйжания — вчерашнего дебютанта, у которого за плечами была лишь одна пластинка и ещё не вышедший в прокат фильм — позвали в этот проект, было колоссальным успехом.

Индустрия официально признала его статус новой суперзвезды.